

БРЕТОНСКИЕ КОНТРАСТЫ

Ronan Le Coadic

► **To cite this version:**

Ronan Le Coadic. БРЕТОНСКИЕ КОНТРАСТЫ. Ethnograficheskoe obozrenie (Этнографическое Обозрение), Institute of Ethnology & Anthropology, Russian Academy of Sciences, 2003, pp.78-93. <hal-00680982>

HAL Id: hal-00680982

<https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00680982>

Submitted on 6 Apr 2012

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Article paru dans Этнографическое Обозрение (*Ethnograficheskoe obozrenie*, « Revue d'ethnologie ») n° 6, Institut d'ethnologie et d'anthropologie, Académie des sciences de Russie, Moscou, décembre 2003, p. 78-93.

Ронан Ле Кoadик

БРЕТОНСКИЕ КОНТРАСТЫ¹

Подобно тому, как в живописи тень придает большую контрастность и выразительность освещенным объектам, в мире социальном «темные», негативные идентичности призваны оттенить и подчеркнуть «светлые», позитивные. В ряду последних и французская идентичность, считающаяся рациональной, освобождающей и универсальной, похоже, долгое время испытывала потребность в сравнении с другой идентичностью – иррациональной, подавляющей, ограниченной, - на фоне которой ее достоинства выглядели бы еще более очевидными. Такая альтернатива могла быть как внешней (скажем, английской или немецкой), так и внутренней. Примером внутренней альтернативы может служить бретонская идентичность, из тени которой блестящая французская цивилизация сумела вырвать «дикаря», чтобы сделать из него свободного человека. В этом смысле бретонский архаизм очень полезен для французской идентичности: они представляют собой гармоничное сочетание противоположных начал, как *инь* и *янь* древнекитайской философии.

Из этого фундаментального символического контраста вытекает другой, одновременно эпистемологического и политического свойства, связанный, прежде всего, с выбором слов и понятий, используемых для анализа природы и проявлений идентичности. Почему используются термины «культура» и «регион», и какие иные слова или концепты остаются при этом в тени? Не содержит ли в себе темное бретонское *инь*, которое

¹ Ronan le Coadic. Les Contrastes Bretons. На французском языке в сокращенном виде статья опубликована в *Ethnologie française*, XXXIII, 2003, 3, P. 373-379. Русский перевод опубликован в журнале «Этнографическое обозрение» (2003, №6).

часто представляют вполне гомогенным, ярких контрастов – как пространственных, так и социальных? Наконец, не становится ли активизация проявлений региональной специфики объектом противоречивых интерпретаций?

Контрасты подтекста

Почему «регион»?

Почему, говоря о Бретани, употребляют термин «регион», а не «нация», «национальность» или, скажем, «народ»? Подобный вопрос во Франции в принципе звучит провокационно и раздражающе. Между тем, англичане считают уэльсцев (потомков тех бриттов, которые предпочли остаться на Британских островах, когда другая их часть мигрировала на континент) нацией. Да и сами бретонцы (армориканцы²) квалифицировались как нация или национальность вплоть до середины XIX в.³. Наконец, и сегодня еще иногда в англоязычной литературе Бретань перечисляется, без всякого злого умысла, в ряду западноевропейских «малых наций, не имеющих государственности». Таким образом, заданный нами вопрос не является ни совершенно абсурдным, ни абсолютно нелегитимным. Безусловно, раздражает он в силу того, что, как может показаться, ставит под вопрос французскую концепцию нации, согласно которой между нацией и государством существует органическая связь. Нация, в соответствии с этой доктриной, представляет собой человеческую общность, юридическим воплощением которой является государство. Поэтому использование слов «нация», «национальность» или «народ» для обозначения какой-либо группы людей, живущей на французской земле, вызывает подозрения: не идет ли речь (в соответствии с представлением о том, что нация не может

² Арморика - кельтское название северо-западной Галлии (прим. перев.)

³ Например, Флобер писал о бретонцах как об «исчезающей нации» (*Flaubert, G., Voyage en Bretagne. Par les champs et par les grèves, Paris, 1989. P. 193* (первое издание в 1847 г.), тогда как Мишле в своей *Tableau de la France* указывал на желание бретонцев сохранить их «национальность» (*Michelet, J., Histoire de la France, II, Paris, 1879. P. 91*).

существовать без государства) о националистическом стремлении создать государство, отдельное от французского, или о попытке установить неравенство расистского («этнического»⁴) толка, т. е. утвердить коллективные права отдельной общины, провоцируя тем самым дискриминацию внутри французского народа, состоящего, по определению, из всех граждан, без каких-либо различий между ними. Слова «нация», «национальность», «народ» применимы в сегодняшней Франции только для обозначения всей совокупности граждан государства. Именно по этой причине упоминание о «корсиканском народе, составной части французского народа» было опротестовано в 1991 г. Конституционным советом⁵.

Почему бы, в таком случае, не пользоваться термином «провинция», как в прошлом? Конечно, этимология этого слова, изначально означавшего «завоеванную страну», не может не ранить самолюбие некоторых. Однако первоначальный смысл в настоящее время уже почти полностью забыт, и проблема не в этом. Слово «провинция» приобрело, по контрасту с интеллектуальным и культурным Парижем, скрытый подтекст, стало ассоциироваться с чем-то неподвижным, душным, духовно ограниченным. Например, Ж. Грин полагал, что в провинциальном существовании ничего не меняется, какие бы глубокие изменения ни происходили в человеческой душе⁶. Действительно, сегодня кажется более корректным говорить о «регионах». Слово «провинция» принадлежит словарю старого режима. Между тем, «регион» – термин ничуть не более республиканский, даже наоборот, поскольку он является производным от латинского *regio*, обозначающего территорию, границы которой суверен устанавливает

⁴ «Этнизм» - недавно изобретенный термин, связывающий регионализм с расизмом.

⁵ Это определение содержалось в ст. 1 закона N 91-428 от 13 мая 1991, принятого Национальным собранием. Данный закон устанавливает особый статус Корсики. Статья, признанная неконституционной, была изъята, но сам закон продолжает действовать (хотя и в несколько модифицированном виде). (прим. перев.)

⁶ *Green, J., Adrienne Mesuat, Paris, 1927.*

религиозным актом, не заботясь о мнении местного населения, не принимая в расчет его историю и культуру. Региональное деление, таким образом, производится отнюдь не демократическим путем. Что же представляет собой результат этого деления – регион?

Регион предстает сегодня как нечто второстепенное, ограниченное и даже в какой-то мере потустороннее. Он имеет оттенок низшего, второстепенного в силу того, что пренебрежительные коннотации, ассоциирующиеся с провинцией, были частично перенесены и на регион. Лишь отчасти, конечно, поскольку в обыденной речи предпочтение «региона» «провинции» объясняется именно нежеланием обидеть возможного собеседника-провинциала (который не считает себя ограниченным человеком, живущим в атмосфере гнетущей скуки). Несмотря на это, статья, посвященная представлениям о Бретани и бретонцах в материалах французских газетах «Figaro» и «Libération» в 1990-е годы⁷, свидетельствует о живучести предубеждений. Бретонская культура, по мнению «Фигаро», не способна к развитию⁸. Газета благосклонно относится к бретонскому культурному наследию, обращенному исключительно в прошлое. Однако она осуждает любые претензии, связанные с идентичностью, если они проявляются в сфере политики или экономики, и уничижительно отзывается об активистах регионалистского движения 1970-х годов, называя их людьми с ограниченными воззрениями⁹. Что касается «Либерасьон», пишет далее автор, то, в отличие от «Фигаро», эта газета не проявляет даже снисхождения к культуре бретонцев, ее мало интересует то, что обычно называют «фольклором»¹⁰. Конечно, «существующие стереотипы в отношении Бретани и ее обитателей

⁷ Dugalés, N., La représentation de la Bretagne et des Bretons par la presse française: étude comparée des journaux « Libération » et « le Figaro » // Les Cahiers du Cériem, № 6. Décembre, 2000. P. 19-31.

⁸ Idem. P. 25

⁹ Idem. P. 26.

¹⁰ Idem. P. 28.

нуждаются в обновлении и пересмотре (...), но идентичность самих бретонцев мало изменилась, оставаясь по-прежнему синонимом деревенской отсталости»¹¹. По мнению «Либерасьон», главными причинами такого положения являются неорганизованность досуга и связанная с этим скука или замкнутость в себе самих граждан, которые отказываются принять вызов современности и предпочитают жить в идеализированном прошлом»¹².

Регион является ограниченным, во всех смыслах этого слова. Прежде всего – в смысле географическом. Как известно, отделение от Бретани Атлантической Луары¹³ до сих пор вызывает протест. Так, по данным опроса CSA¹⁴, проведенного в сентябре 2000 г., 71% обитателей этого департамента и 63% населения Бретани хотели бы воссоединения (Атлантическая Луара была наиболее процветающей частью Бретани).

Ограниченность региона связана также с тем, что воспроизводство региональной специфики зависит от позиции центральной власти. Нет необходимости напоминать здесь, что «региональные» языки были искоренены государством еще в начале XX в.¹⁵. В то же время, часто забывают о том, что и региональная история исключена из образовательных программ, за исключением эпизодов, связанных с присоединением

¹¹ В оригинале - «plouquerie», неологизм, образованный от «plouc» - фамильярно-пренебрежительного обозначения крестьянина (русским аналогом может служить слово «деревенщина») – (прим. перев.)

¹² Dugalés, N., op. cit. P. 30.

¹³ В 1944 г. департамент Loire-Atlantique, где расположена историческая столица Бретани – г. Нант, был включен в состав региона Pays de la Loire (прим. перев.).

¹⁴ CSA - Conseils Sondages Analyses (www.csa-fr) – агентство по изучению рынка и общественного мнения (прим. перев.)

¹⁵ См.: Hélias, P., Le Cheval d'orgueil. Paris, 1975. P. 230 - 244; особенно стр. 235 - 238, по поводу «коровы» - позорного символа, который вешали на шею тем детям, которые говорили в школе по-бретонски. См. также: An Du, C., Histoire de l'interdit. Le breton à l'école, Lannion, 2000.

провинций к Франции. Опросы, периодически проводимые в Бретани на этот счет, показывают, что бретонцы абсолютно не знают своей истории¹⁶.

Наконец, регионы во Франции располагают весьма ограниченными средствами. Что касается нужд культуры, то государство в рамках своей «национальной» политики 56% бюджетных ассигнований на культуру тратит в Париже, согласно недавнему исследованию «Télérama»¹⁷. Но и в целом региональные бюджеты во Франции особенно слабые: они существенно меньше, например, чем бюджеты департаментов или некоторых крупных городов. По сравнению с другими европейскими государствами разрыв также значителен: так, бюджет регионального Совета Бретани составляет лишь примерно 1/40 бюджета Шотландии.

Второстепенный и ограниченный, регион в то же время представляется в некоторой степени нелояльным и подозрительным. Нация, это «воображаемое сообщество»¹⁸, которое, теоретически, основано во Франции на социальном контракте и «ежедневном плебисците», на самом деле основывается на государственной политике языковой и культурной унификации; отсюда следует, что культурное многообразие традиционно воспринимается как угроза национальному государству. Почему, однако, речь все время идет о культуре?

Почему культура?

Говоря о Бретани, чаще всего используют термины «культура», «идентичность» или «культурная идентичность». Почему? Исчерпывает ли

¹⁶ См.: *Le Berre, A.*, «Bretagne – terra incognita? À propos d'une enquête sur la connaissance de la Bretagne dans une classe de première brestoise, année scolaire 1987-1988» // *La Bretagne linguistique* № 5. Brest, 1989. P. 197-218 ; *Le Coadic, R.*, «Principaux résultats d'un sondage réalisé auprès des élèves du lycée de l'Élrom à Landernau» // *Ar Falz*, № 82-83, 1er trimestre, 1994. P. 20-30.

¹⁷ «À qui profite l'argent de la culture?», deuxième volet «Les régions s'émancipent», *Télérama* № 2654, 22 novembre 2000. P. 16.

¹⁸ Нация, согласно Б. Андерсену, это «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как ограниченная и суверенная сущность». *Anderson B.*, *L'imaginaire national. Réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme*, Paris, 1996. P. 19.

культурное измерение бретонский вопрос во всей его полноте? Можно ли рассматривать бретонскую культуру вне широкого социального контекста, сердцевинной которого она является?

Леон, расположенный на севере департамента Финистер, отличается совокупностью характеристик, отчасти противоречивых. Так, в плане культурном он представляется средоточием памяти (поскольку местный диалект, из которого литературный язык многое заимствовал, остается одним из бастионов архаизма) и одновременно территорией забвения, ибо, за исключением небольшого анклава, включающего лишь несколько коммун, здесь почти полностью исчезли традиционные песни и танцы. В плане политическом Леон проявляет последовательный консерватизм, который выделяет его из всего окружения. В экономике, напротив, он находится на переднем крае различных нововведений. Эти контрасты объясняются существованием системы, которая поддерживается (или, во всяком случае, поддерживалась вплоть до 1970-х годов) духовенством. «О, это леонское духовенство! – Писал в 1913 г. А. Зигфрид. – Власть его ничем не ограничена. Оно представляет собой класс жрецов, в античном понимании, и его предписания носят характер божественного волеизъявления. Класс этот рождается из самой почвы. Каждая крестьянская семья, особенно из зажиточных¹⁹, считает за честь отдать Церкви своего сына или дочь. Тесная связь, в буквальном смысле слова кровная связь устанавливается таким образом между народом и его пастырями. Но это не связь между равными. (...) Когда вчерашний ребенок, юноша возвращается, в сане священника, навестить родной очаг – он уже не просто сын или брат: он существо высшего порядка, с которым никто не смеет обращаться фамильярно. Сан наделяет его святостью»²⁰. Зигфрид писал, что духовенство руководит духовной и политической жизнью Леона. Но оно же направляло и его культурную жизнь (это именно духовенство запретило в

¹⁹ Les julots – богатые леонские крестьяне, своего рода кулаки.

²⁰ Siegfried, A., Tableau politique de la France de l'Ouest, Paris, 1995 (première édition : Armand Colin, 1913). P. 251-252.

XIX в. исполнять традиционные танцы), а позже – и экономическую. Действительно, духовенство через молодежную сельскохозяйственную христианскую организацию JAC (Jeunesse Agricole Chrétienne) руководило модернизацией сельского хозяйства не только в Леоне, но и по всей Бретани. На этом частном примере хорошо видно, что политика, экономика, религия и культура составляют единую систему, из которой было бы абсурдным пытаться извлечь один из компонентов.

Итак, не только в рамках Леона, но и за его пределами сельскохозяйственная модернизация была инициирована духовенством и JAC. Этот процесс имеет, следовательно, религиозную составляющую. Но он равным образом вписывался в рамки политического мировоззрения. Действительно, «красные»²¹ Бретани отправляли своих детей учиться, чтобы они могли уехать за пределы региона и улучшить свои жизненные условия, тогда как «белые»²² стремились оставить их «на своем месте», т. е. в своих хозяйствах. Кроме того, модернизация сельского хозяйства оказала глубокое воздействие на экономику полуострова: она создала условия для общего развития Бретани, социальным следствием которого стало поддержание высокой плотности сельского населения. Нельзя пренебречь и тем влиянием, которое модернизация оказала на бретонскую культуру. С одной стороны, модернизируя производство, земледельцы отвернулись и от культурного наследия своих родителей. С другой стороны, сохранение, благодаря их экономической деятельности, в сельской местности плотной социальной ткани невольно способствовало сохранению бретонской культуры вплоть до наших дней: молодые поколения могли припасть к еще не пересохшему источнику устной традиции. Зато иссякли минеральные источники полуострова, поскольку интенсификация сельскохозяйственного производства обернулась загрязнением окружающей среды. Итак, к чему имеет отношение аграрная модернизация? Только к сельскому хозяйству? Или к экономике в целом, к культуре, к политике, к религии, к экологии?

²¹ (левые – прим. перев.)

²² (правые – прим. перев.)

Иными словами, можно ли действительно рассматривать культуру вне общего контекста? И нужно ли это делать?

В своей недавней статье Фабрис Патэ отмечает, что французские регионалистские движения последовательно трансформировались, начиная с 1950-х годов, из движений «за *право народов* (на самоопределение), которого требовали представители радикального регионального национализма, в движения за *права меньшинств*, которые были центральным требованием этнонационалистов, а затем в движения за *право на культурную отличительность* - или, может быть, правильнее говорить о *праве на культурную идентичность*»²³. Третий этап соответствует, по мнению Ф. Патэ, слиянию левого регионализма с левым национализмом и стремлению сделать регионалистские требования «приемлемыми для французских властей»²⁴. Результатом описанной эволюции стали серьезные изменения. С одной стороны, сузились цели: место глобальных – одновременно политических, экономических и культурных – заняли более специальные, а именно затрагивающие лишь сферу культуры. С другой стороны, произошла детерриториализация требований: территориальный вопрос переходит отныне исключительно в сферу экономического и технократического управления. Наконец, произошла индивидуализация: культурные требования смещаются «из поля коллективного в поле индивидуального, что направлено на примирение их с нормами права и французской концепцией нации»²⁵.

Если индивидуализация требований, вероятнее всего, отвечает глубинным ожиданиям общества (к этому мы еще вернемся позже), то справедливо ли это в отношении их детерриториализации и сведения исключительно к сфере культуры? В этом можно усомниться, полагая, напротив, что культура представляет собой лишь один из аспектов

²³ Patez, F., «La notion d' "identité culturelle" et les mouvements regionalists français» // Les Cahiers du Ceriem №7, juin 2001.

²⁴ Idem.

²⁵ Idem.

бретонской идентичности. Рассмотрим в качестве вымышленного, но вполне реального примера судьбу молодой бретонки – назовем ее Марией, - которая размышляет о своем профессиональном будущем. После окончания академии в Ренне – одного из лучших учебных заведений Франции – Мария имеет диплом о высшем образовании. Она хочет остаться жить в Бретани: во-первых, потому что здесь живут ее семья и ее друзья, во-вторых, потому что она любит бретонскую культуру – в частности, музыку, традиционный «Праздник ночи» (*fest-noz*²⁶) и язык, который она только что начала изучать, и, наконец, потому что она привязана к здешней природе. Любовь к природе делает ее особенно восприимчивой к любым формам загрязнения окружающей среды, в частности, загрязнения рек и моря в результате применения нитратов в сельскохозяйственном производстве, а также выброса отходов судоходства. Это заставляет ее критиковать как международный капитализм, так и неэффективность политики французского правительства, направленной на защиту побережья, а также попустительство при выдаче государственных разрешений на строительство крупных свиноводческих комплексов (вызвавшее недавно осуждение со стороны европейского суда)²⁷ и современную производственную модель в целом. В то же время, она признает исторический вклад последней в развитие бретонской экономики. В конце концов, вопреки сильному желанию остаться в Бретани, Марии придется, скорее всего, уехать, так как уровень развития местной экономики не позволит ей найти работу, на которую она могла бы претендовать благодаря полученному образованию: большинство таких рабочих мест находится в Париже.

Анализировать бретонский вопрос в терминах культуры – значило бы не видеть в этом примере ничего кроме единственного аспекта – пусть и символически важного, но все же поверхностного. Будучи горожанкой, Мария лишь четыре или пять лет назад стала посещать «Праздник ночи» и

²⁶ Подробнее об этом празднике см. в разделе «Воссоздание» (прим. перев.)

²⁷ Имеется в виду постановление Европейского Суда от 8 марта 2001 г., № C-266/99 (прим.перев.).

знает по-бретонски всего несколько слов, недавно выученных на вечерних курсах. Однако благодаря своим вкусам, образу жизни и мыслей она сталкивается с целым комплексом проблем – политических, экономических, культурных, социальных, экологических, - которые имеет смысл рассматривать только во взаимосвязи и комплексно. Сделав это разъяснение, мы можем теперь перейти к характеристике современной бретонской культуры и, в частности, ее контрастных проявлений.

Контрасты проявлений

Пространственные контрасты

Фундаментальный дуализм. Когда, на исходе Античности, часть бриттов покинула Британские острова и водворилась в Арморике, дав последней свое имя, они не заселили территорию современной Бретани равномерно. В основном они расселились в ее западной части. Тем не менее, по окончании нескольких военных кампаний император франков Карл Лысый вынужден был уступить бретонским королям Эриспоэ и затем Саломону обширную территорию на востоке полуострова. Таким образом, уже к тому времени, когда, в IX в., были установлены политические границы Бретани, в королевстве были представлены две культуры: оно объединяло кельтоязычный регион (западнее линии Дол – Геранд) – и романоязычный регион к востоку от этой линии, где были рассеяны отдельные колонии бретонцев. «Это распространение Бретани на восток», - разъясняет Ж. Кассар, - «имело огромное историческое значение: бретонский язык стал там языком доминирующей группы, хотя в IX – X веках на нем говорило меньшинство населения»²⁸. Позже, начиная с XI и особенно в XII в., бретонская аристократия стала растворяться в романской среде, куда она проникала благодаря брачным и соседским связям, и бретонский язык утратил свои социальные позиции: его бытование ограничилось территорией Нижней Бретани, в то время как правители

²⁸ Cassard, J.-Ch., «Les Bretons et l'Empire carolingien», in Briard et alii. Histoire de la Bretagne et des pays celtiques, I, Des megalites aux cathedrales, Morlaix, 1983. P. 148.

перешли на французский»²⁹. Последним сувереном, говорившим по-бретонски, был Ален IV Фержан (1084-1112), и вскоре бретонская элита, покоренная богатством восточной Бретани и французским Двором, отказалась от своего языкового наследства – тем более что ей пришлось скрываться от нашествия викингов в романской среде.

Различия между двумя частями Бретани носят фундаментальный характер. Они сохраняются вплоть до наших дней, хотя лингвистическая граница сместилась на протяжении веков и проходит ныне по линии Плуа – Ванн. К востоку от этой линии расположена Верхняя Бретань (*Haute Bretagne*), или *Pays Gallo* (в средневековье она назвалась «*Bretagne Gallou*»). Она принадлежит к романской культурной традиции, и хроникер Фруассар называл ее «тихой Бретанью» (*douce Bretagne*). Зигфрид в XX в. говорил о ней как о «завоеванном народе»³⁰. На западе расположена Нижняя Бретань (*Bas Bretagne*), или Бретань бретонствующая (*Bretagne bretonnante*), которую называли «громкой Бретанью» – возможно, потому, что кельтская речь резала слух чувствительному уху: обитатели Нижней Бретани, писал в 1629 г. Ж. Де Лэ, «кажется, не разговаривают, а кричат и скрежещут зубами»³¹. По мнению А. Зигфрида, именно здесь находится «настоящая, кельтская Бретань. Конечно, это еще «Великая Франция» (*La Grande France*, как сказали бы англичане), но, собственно говоря, это не вполне Франция. Это один из отдаленных «садов Гесперид», которые кельтский мир присоединил к крайним пределам нашего Запада»³². Все те клише, из которых состоит сегодня стереотип бретонцев, происходят из Нижней Бретани – будь то круглые шляпы, прически, придорожные распятия, бретонский язык, «Праздник ночи» и иные черты кельтской культуры.

В то же время, как бы силен не был контраст, между обитателями Верхней и Нижней Бретани никогда не возникало конфликтов, подобных

²⁹ *Idem.*

³⁰ Siegfried, A., *op. cit.* P. 177.

³¹ Cité par *Tanguy, B.*, «La langue bretonne au pays de Guèrande», *Ar Men* № 25. Février, 1990. P. 20.

³² *Siegfried, A. op. cit.* P. 196.

тем, какие происходят, например, в Бельгии между фламандцами и валлонами. Сегодня, когда вся Бретань говорит по-французски, лингвистическая граница во многом утратила свое значение, но и тогда, когда она действительно являла собой препятствие, поскольку население по обе ее стороны не понимало друг друга (то есть приблизительно до второй мировой войны), она не была линией противостояния. В целом обитатели Верхней и Нижней Бретани, живя по соседству, почти не взаимодействовали между собой. Однако иногда им все же приходилось встречаться – например, в школе, на рынке или в армии. И тогда людей из Нижней Бретани поражало и даже раздражало, что бретонцы из Верхней Бретани – такие же крестьяне, как и они, называют их «эти бретонцы» и не знают бретонского языка. «Верхние» бретонцы, в свою очередь, находили невежливым то, что их соседи говорят между собой по-бретонски в их присутствии, особенно на рынке, где действительно иногда последние использовали свой язык при обсуждении коммерческих сделок, чтобы суть разговора не была понятна другим. Однако за исключением этого взаимного раздражения, да редких стычек на праздниках или свадьбах, сопровождавшихся излишними возлияниями, сосуществование было мирным.

Бретонцев нельзя рассматривать, таким образом, ни как этническое меньшинство, ни как культурную общность, поскольку в Бретани сосуществуют две культуры. Бретань представляет собой общество, сложность которого иногда просто сбивает с толку.

Бесконечное разнообразие. Бретань не просто состоит из двух частей. Помимо этого она включает в себе, подобно русской матрешке, исторические области (pays historiques)³³, которые, в свою очередь, состоят из различных территорий. Каждая из этих областей и территорий имела

³³ Четыре области в Нижней Бретани - Léon, Cornouaille, Trégoat и Vanne – и пять в Верхней Бретани - Saint-Brieuc, Saint-Malo, Nantes (сейчас входит в состав региона Pays de la Loire), Rennes и Dol (прим. перев.).

некоторые отличия в диалекте, а также в традиционной культуре, – хотя, конечно, четкие границы между различными зонами провести невозможно. Кроме того, с областями и территориями связаны многочисленные стереотипы. Например, говорят (по-бретонски): «глупый как ваннец (Vannetais), грубый как корнуаец (Cornouaillais), вороватый как леонец (Léonard), ненадежный как трегорец (Trégorrois)»³⁴. И это лишь одна из множества подобных поговорок; наиболее язвительные и резкие из них обычно обращены в адрес ближайших соседей. Стереотипы содержатся также в песнях. Наконец, язык сохранил множество прозвищ, которыми награждали десятилетия назад «странных чужаков», пришедших иногда всего лишь за 10 километров! Так, человека, происходящего из области Pays Glazig³⁵, прозвали Дьяволом из-за того, что в церкви в его родной деревне была скульптура дьявола. «Как Моя Нога» было прозвищем некоего корнуайца, переселившегося в Ванн и любившего похвастаться, что выловленная им рыба была размером «как моя нога». Объектом насмешки служило при этом не только хвастовство персонажа, но и его характерный корнуайский говор³⁶. «Блуждающий Огонек» – так прозвали в Нижнем Леоне молодую женщину, приехавшую из Ландерно, за ее странную манеру одеваться: «она носила исключительно черное - в то время, когда даже вдовы, по крайней мере, лет до семидесяти, не только отдавали предпочтение светлым тонам в одежде, но и красили светлым остатки своих волос»³⁷. Наконец, леонца, переехавшего в Трегор, прозвали Занудой – безусловно, по мнению собирателя прозвищ³⁸, «за присущую леонцам

³⁴ *Sod evel ur Gwenedad, Bruska evel ur C'hernavad, Laer evel ur Leonard, Treitour evel ur Tregeriad.* (бретонск. яз.).

³⁵ Это название означает голубой цвет и происходит от цвета костюмов, которые носили в XIX веке обитатели данной местности, лежащей вокруг города Кемпер (Quimper) в нынешнем департаменте Финистер (Finistere) (прим. перев.)

³⁶ *Madeg, M., Surprenants surnoms bretons. Al lesanoioù brezoneg gwella, Morlaix, 1998. P. 163.*

³⁷ *Idem. P. 165.*

³⁸ Кстати, леонца по происхождению...

высокомерность по отношению к остальному миру, которую они явно демонстрируют»³⁹.

Все эти отличия – иногда весьма древние по происхождению, отдельные из которых отмечаются с IX века – никак не связаны с административным делением, и иные из них уже исчезли. Многие, однако, хорошо укоренились и поразительным образом сохраняются даже в XXI веке. И сегодня даже карта электоральных предпочтений населения позволяет ясно различить отдельные исторические области, – такие как Леон или Ванн, – отличающиеся особым политическим консерватизмом, что идет в разрез с поведением населения остальной части Нижней Бретани. Руководители предприятий нередко включают историческое имя местности, где они живут, в название своего предприятия, что способствует сохранению памяти о соответствующей области. Наконец, мне рассказывали, что некоторые директора иногда отдают предпочтение при приеме на работу выходцам из той или иной исторической области. Однако, помимо того, что это трудно подтвердить, такая практика выглядит явным анахронизмом и потому вряд ли возможна. Может быть, это только предания?

Зато не подлежит сомнению тот факт, что в некоторых сельских районах, сохраняющих выраженную индивидуальность, определенное «этническое»⁴⁰ происхождение может доставлять людям массу неприятностей. Так, пятидесятилетняя женщина, которой в 1980-х годах пришлось поехать вслед за мужем в Скриньяк, призналась мне, что ей так и не удалось интегрироваться в местное сообщество, и что сегодня, спустя два десятилетия, ее по-прежнему называют не иначе как «леонкой». А между

³⁹ Idem. P. 173.

⁴⁰ Термин «этнический» употребляется здесь в том смысле, в каком его трактует М. Мантиньелло, а именно в значении группы, члены которой воспринимают себя (и воспринимаются другими) как культурно отличные от членов других групп, с которыми они регулярно взаимодействуют (см. *Mantiniello, M., L'ethnicité dans les sciences sociales contemporaines*. Paris, 1995, P. 18-19). Данное определение вполне приложимо к населению исторических областей Бретани.

тем, в этом сельском бастионе коммунизма, бывшем в годы второй мировой войны центром Сопротивления, такое определение связано с явным недоверием. В «красном» Скриньяке многие считают, что жители Леона – в большинстве своем католики и реакционеры.

Однако, за исключением некоторых местностей, сохраняющих свою сельскую специфику, «этнические» стереотипы утрачивают свое значение. В то же время, они сохраняются, если не сказать – заново сочиняются, в среде деятелей культурного возрождения. Здесь они принимают характер забавных шуток, анекдотов, вроде тех, что рассказывают о бельгийцах, евреях или шотландцах. Возникают новые шутки, в основном по поводу жителей Леона и Бигудена и приписываемой им скупости. Все это позволило моему коллеге, социологу Жерару Пермелю, заявить во время одной из своих лекций: «если бретонцы – не расисты, то это потому, что весь свой расизм они растрачивают на самих себя». Во всяком случае, в сегодняшнем развитии культуры главные контрасты имеют не пространственную, а социальную природу.

Социальные контрасты

Бретонская культура существует сегодня по меньшей мере в трех различных ипостасях. Для одних она составляет образ жизни. Другие сохраняют и воспроизводят ее в ограниченном, почти исчезающем виде. Наконец, третьи, похоже, воссоздают ее заново.

Образ жизни. Во внутренних районах Бретани, далеко от городов и от побережья, еще можно встретить пожилых крестьян, которые, кажется, живут той же жизнью, что и их предки, сохраняют и воспроизводят традиционную бретонскую культуру. На самом деле, конечно же, их образ жизни претерпел существенные изменения. Например, изменилось их жилище – в домах есть туалеты и ваннные комнаты. Они регулярно читают местную газету и внимательно смотрят телепередачи. У них есть автомобиль, на котором каждый месяц совершаются поездки в город. Они

почти отказались от традиционной манеры одеваться, если не считать причесок, которые кое-где еще носят наиболее непоколебимые старые женщины. Наблюдателя, однако, поражает их своеобразие. Они говорят между собой, со своими соседями или такими же пожилыми друзьями только по-бретонски или (в Верхней Бретани) на языке галло. Они живут как бы в изоляции в своем старом маленьком хозяйстве, питаются почти исключительно тем, что сами производят на своих фермах (сидр, молоко, овощи, домашняя птица, яйца, крольчатина, иногда телятина), а также продуктами рыболовства и собирательства. Они ограничивают свои покупки минимумом. Они используют обычно лишь простейшие орудия, в отличие от большинства сельхозпроизводителей, которые залезли в долги ради модернизации своего производства. Их походка, жесты, характерные для их среды, неподражаемы – так же как их танцевальные па, манера петь и даже говорить. Их система ценностей, конечно, уже не та, что была у их отцов, но она отличается и от принятой в окружающей социальной среде. Смысл многих современных поведенческих практик им непонятен. Можно ли сказать, что их образ жизни аутентичен для бретонской культуры? И да, и нет. Да, поскольку он способствует оправданию и воспроизводству мифа о чистоте. И нет, по двум противоречивым причинам. С одной стороны, культурное наследие, которое они сохраняют, очень ограничено: оно присуще конкретной территории, и составляет лишь часть бретонской культуры. И напротив, их образ жизни не является ни локально специфическим, ни даже просто бретонским, он универсален: они ведут себя, прежде всего, как крестьяне.

Остальные бретонцы уже почти не воспроизводят традиционную бретонскую культуру.

Ограниченное воспроизводство. Целые пласты бретонской культуры больше не воспроизводятся просто потому, что экономическая деятельность, с которой они были связаны, практически прекратилась; это можно сказать, например, о традиционных ремеслах. Что же до таких основных занятий,

как сельское хозяйство или рыбная ловля, то они претерпели радикальные изменения начиная с середины XX в. В частности, можно ли считать, что интенсивный способ производства, практикуемый ныне в Бретани, связан с традиционной бретонской культурой? Разве не мог бы он реализовываться в любом другом месте? Конечно, молодые бретонские крестьяне в большей степени, чем остальная бретонская молодежь, наследуют традиционную культуру (взять, к примеру, лингвистический аспект), но она играет не более чем вспомогательную роль в их повседневной жизни.

Однако во всех слоях общества различные элементы бретонской культуры воспроизводятся в гораздо более ограниченном виде, чем это было до второй мировой войны. Бретонский язык, две трети носителей которого, согласно опросам⁴¹, - люди старше 60 лет, ныне уже не передается от поколения к поколению⁴². Ситуация с галло, судя по всему, тоже не блестящая (хотя количественные исследования по этому поводу не проводились). Между тем, какие-то осколки речи продолжают воспроизводиться: даже люди, не говорящие по-бретонски или на галло, употребляют, по случаю, шутки, пословицы, языковые обороты или отдельные слова, которым они научились в детстве, в своих семьях. Воспроизводятся и некоторые пищевые привычки. Статистика подтверждает, что бретонцы по-прежнему потребляют много сидра, морских моллюсков и соленого масла. Кроме того, во многих бретонских семьях хранятся переданные от предков традиционные рецепты блюд, которые готовят изредка, по большим праздникам. Наконец, отчасти сохраняются некоторые представления и ценности, часто религиозно

⁴¹ В частности, имеется в виду опрос «La pratique du breton en 1997», проведенный ТМО- Régions, результаты которого частично опубликованы. См.: *Le Télégramme*, 12-13 avril, 1997.

⁴² По данным проведенного INSEE-INED в 1992 г. исследования «Образование», результаты которого опубликованы («Population et société», декабрь 1993 г.), уровень воспроизводства бретонского языка нулевой. Измеренный по несколько иной методике INSEE, он равен 3%, но «воспитывают своих детей на бретонском языке франкофоны от рождения» - *Laurent, L.*, «La connaissance du breton» // *Octant*, № 56-57. Mars, 1994. P. 12.

окрашенные, которые было бы интересно изучить⁴³. Однако видимая часть бретонской культуры, та, которая чаще всего попадает в лучи прожекторов, фактически создана заново.

Воссоздание. В первую очередь, в значительной степени изобретен заново «Праздник ночи», неоднократно упоминавшийся выше. Исходно это был ниже-бретонский сельскохозяйственный праздник, приуроченный к окончанию изнурительных полевых работ. Крестьяне танцевали, встав в круг, местные танцы, под песни, исполнители которых также танцевали вместе со всеми. После того как этот праздник был почти полностью забыт, он вновь появился вскоре после второй мировой войны, благодаря стараниям горстки добровольцев. Сегодня он превратился в публичное платное действо, абсолютно оторванное от сельскохозяйственной или даже просто сельской жизни. Он может проходить в любом месте Бретани или за ее пределами (в Париже, Лондоне, Пекине и пр.) и нередко собирает по несколько тысяч участников. Певцы, звонари и музыкальные группы сегодня располагаются на эстраде или на сцене, оборудованной микрофонами и усилителями. Они, таким образом, отделены от публики и не участвуют в танцах, которые тоже становятся все более разнообразными, утрачивают локальную специфику и индивидуализируются.

О бретонской музыке мало сказать, что она воссоздана: она претерпела революционные изменения, заблистала и расцвела. Открытая всем музыкальным направлениям – таким, как рок, джаз, поп, рэп, техно – и всевозможным влияниям, в частности, ирландскому, но также цыганскому, африканскому или индийскому, она смогла, тем не менее, сохранить свою оригинальную манеру выражения. Эта комбинация внешних заимствований и собственно бретонского компонента, традиций и новаций, вероятно, и объясняет современный коммерческий успех бретонской музыки.

Наконец, бретонский язык в том виде, в котором он сегодня преподается или используется в СМИ, тоже отчасти позволяет говорить о

⁴³ См. *Le Coadic, R., L'Identité bretonne. Rennes, 1998, P. 405-414.*

его придуманности. Народный язык, в который собственно бретонский превратился еще в Средневековье, после того как от него отказались высшие слои общества, обеднел до такой степени, что утратил способность к словообразованию. Кроме того, он разделился на диалекты, иногда с трудом взаимопонимаемые. Начиная с XIX в., и особенно в межвоенный период, интеллектуалы изучили язык, обогатили его новыми словами, кодифицировали и стандартизировали до такой степени, что он воспринимается говорящими по-бретонски с рождения как еще один диалект или даже как другой язык...

Во всех случаях, во всех сферах культуры - идет ли речь о пище, о манере танцевать или об использовании бретонского языка – повсеместно трансформация движется в направлении, характерном для современной городской жизни: от тяжелого к легкому. Все стало облегченным, в прямом и переносном смысле. Местная кухня избавилась от излишка жиров (топленое свиное сало уже не употребляется), а также от сытных блюд, которые «поддерживали в теле» работников физического труда (овсяную кашу больше не едят). Во время «Праздника ночи» молодежь предпочитает общему хороводу танцы в группе друзей или даже парные, в ускоренном ритме. Наконец, новый бретонский язык лишен острых метафор и сильного акцента, на нем теперь говорят только по выбору. Почему же все-таки совершается такой выбор?

Контрасты интерпретаций

Возрождение региональных идентичностей объясняют по-разному. Применительно к бретонскому случаю рассмотрим три гипотезы: национализм, пост-модернистский неутрайбализм или противоречивые социальные устремления.

Национализм?

Связан ли «бретонский вопрос» с национализмом? Это одна из часто выдвигаемых гипотез, причем в негативном смысле, – поскольку

национализм в принципе заклеен во Франции. Однако он здесь достаточно активен. В Бретани он не всегда приносит те плоды, на которые рассчитывали, и проявляется иногда неожиданным образом.

Негативный имидж. Слово «национализм» имеет во Франции негативную коннотацию. Однако по сути эту идеологию разделяет большинство французов, часто неосознанно. Просто потому, во-первых, что национализм – это «скорее способ существования, которому мы все подчиняемся», - объясняет Б. Андерсон, - «нежели посторонняя нам идеология»⁴⁴. Во-вторых, потому, что, как установил Э. Геллнер, «национализм – это прежде всего политический принцип, утверждающий, что политическая общность и общность национальная должны совпадать»⁴⁵. Такая формулировка полностью соответствует доминирующему во Франции общественному мнению. Наконец, разве правители Франции и большинство французов не считали долгое время, и не считают иногда до сих пор, что их страна и их универсальная нация, как носители цивилизаторской миссии, наделены, в связи с этим, универсальными языком и мышлением? Все это, возможно, помогает лучше понять причину предубеждения, испытываемого большинством французских интеллектуалов в отношении национализма, который часто представляется как «чуждая идеология», угрожающая низвержением из цивилизации в варварство.

К тому же бретонский национализм воспринимается особенно негативно благодаря ряду своих ошибок. Главная из них – постоянно повторяющаяся в различных формах на протяжении столетия – состоит в том, что он исходит из собственной логики противостояния французскому государству, которое его как бы гипнотизирует, вместо того чтобы обратить свое внимание на население Бретани и постепенно привлечь его на свою сторону. Это выражалось в начале века в социальном элитизме; позже, в

⁴⁴ Anderson, B., op. cit. P. 9.

⁴⁵ Gellner, E., Nations et nationalismes. Paris, 1989. P. 11.

период между двумя войнами, в элитизме политическом и культурном. Кроме того, в годы второй мировой войны часть активистов националистического движения сотрудничала с германскими нацистами, руководствуясь принципом «враги наших врагов – наши друзья», абсолютно чуждым большинству бретонцев. Наконец, и в послевоенное время националисты предпочитают с ученым видом проповедовать свои теории или давать волю собственной агрессии против государства, вместо того, чтобы устанавливать связи с населением.

Непредвиденные результаты. «Национализм состоит, в основном, в насаждении в обществе высокой культуры – там, где большинство, если не все население принадлежит к «низшей» культуре»⁴⁶ – пишет Э. Геллнер. Это то, что делают все государства, в том числе французское государство, – и именно то же самое пытались сделать активисты бретонского культурного возрождения начиная с XIX в., не располагая для этой цели школами, университетами или средствами массовой информации. Труды Вийемарка⁴⁷, Ле Гонидека⁴⁸, Бордери⁴⁹, позже Эмона⁵⁰ явно направлены на это.

Их усилия приносят сегодня результаты, весьма далекие от ожидавшихся изначально. Безусловно, бретонский язык подвергся глубокому

⁴⁶ Idem. P. 88.

⁴⁷ *Hezart de la Villemarque* - автор «Barzar Breiz», антологии народной бретонской поэзии, впервые опубликованной в 1839 г.

⁴⁸ *Jean-François Le Gonidec* - первый переводчик Библии на бретонский язык. Новый Завет был опубликован в 1827, Ветхий Завет – в 1866 г., причем оба перевода, по мнению Дюжардена, «несмотря на все их совершенство, все же не были вполне понятны народу» (*Dujardin, D. La vie et les œuvres de J.-F.-M.-A. Le Gonidec. Brest, 1949. P. 198*)

⁴⁹ *Arthur de la Borderie* - автор монументальной «Истории Бретани».

⁵⁰ *Roparz Hemon* - известный лингвист, которым «одни восхищаются за его постоянство, силу духа и даже самоотречение», - пишет Франсис Фавро, - «другие резко порицают за его позицию во время войны». (*Favereau, F. Littérature et écrivains bretonnants depuis 1945, Morlaix, 1991. P. 6.*

техническому обновлению, на что и были направлены амбиции преобразователей. Однако этот обновленный язык остается достоянием меньшинства, тогда как народ сегодня говорит по-французски, за исключением деревенских стариков. Напротив, музыка, обновленная не в меньшей степени, имеет массовый успех, совершенно не связанный с какой-либо политической деятельностью. Отношение к культуре индивидуально и имеет мало общего с патриотическим рвением.

Бретонское культурное движение имеет, однако, и политический смысл. Во-первых, потому что оно подвергает сомнению дихотомию между общепольской культурой и провинциальным фольклором: качество современной бретонской музыки и интерес к ней за пределами Франции позволяют считать, что бретонская культура достойна занять определенное место в общечеловеческом культурном наследии. Во-вторых, бретонское культурное обновление, по своей сути не националистическое, но в то же время критически направленное по отношению к французскому государству, содержит в себе антигосударственный элемент, не без оттенка анархизма.

В противовес анархизму бретонские предприниматели в последние годы поднимают флаг регионального патриотизма.

Патриотизм предпринимателей. Не так давно появившийся на свет класс бретонских предпринимателей проявляет неожиданный интерес к бретонской идентичности, среди них такие влиятельные фигуры, как Франсуа Пино⁵¹, Венсан Болоре⁵² или Патрик Ле Лэ⁵³. За последние десять

⁵¹ Миллиардер, один из богатейших людей Франции, по прозвищу «Бретонский корсар». Личный друг Ж. Ширака. Владелец крупной группы предприятий (Le Printemps, La Redoute, FNAC, Conforama), в 1999 г. приобрел 40% акций Gucci и 100% - Yves Saint Laurent (прим. перев.).

⁵² По прозвищу «Бретонец из Пюто» (Пюто – город в департаменте Иль-де-Франс), финансист, владелец холдинга «Bolloré Investissement», осуществляющего коммерческую, сельскохозяйственную и финансовую деятельность. Ликвидные активы холдинга составляют более миллиарда евро (прим. перев.)

лет деятели этой категории предприняли как минимум три акции, которые (в этом состоит новизна ситуации) позиционировали их как бретонцев. Был создан «Клуб Тридцати» (ассоциация директоров крупнейших предприятий полуострова), название которого воскрешает в памяти один из героических эпизодов истории независимой Бретани. Был основан также Институт Локарна⁵⁴, регулярно организующий семинары и конференции высокого уровня для предпринимателей, которые в перспективе должны превратить Бретань в экономического «тигра». Наконец, они создали ассоциацию предприятий «Сделано в Бретани» (Produit en Bretagne), которая, маркируя продукцию своим логотипом, привлекает внимание потребителей к ее бретонскому происхождению и подталкивает местное население к приобретению соответствующих товаров, способствуя тем самым созданию рабочих мест и развитию региональной экономики.

Бретонские предприниматели не рискуют ввязываться в патриотическое движение, сравнимое, например, с движением предпринимателей Каталонии. Тем не менее, иногда они спонсируют музыкальные группы или отдельные культурные инициативы. Речь идет, в частности, об издании истории Бретани в комиксах⁵⁵ и особенно о создании TV Breizh – первого регионального (и двуязычного, бретоно-французского) телеканала во Франции. Таким образом, бретонские предприниматели своей активностью способствуют изменению имиджа Бретани. Их регионализм вполне либерален и довольствуется ослаблением государства.

⁵³ Президент телекомпании TF-1 и владелец бретонской телекомпании TVBreizh (прим. перев.).

⁵⁴ Институт Локарна (<http://www.institut-locarn.com>) – ассоциация, созданная в 1991 г. группой предпринимателей. В качестве одной из своих главных целей выдвигает децентрализацию управления и расширение полномочий регионов (прим. перев.).

⁵⁵ Это издание в пяти томах, предпринятое Reinald Secher и René Le Honzec на средства «Клуба Тридцати», было перепечатано региональной ежедневной газетой «Ouest-France», которая публиковала страницу за страницей в течение нескольких месяцев, и подвергнуто острой критике еженедельником «Télérama», а затем «Libération», поскольку в нем умалчивалось о трагедии евреев в годы второй мировой войны (Shoah).

Постмодернистский неотрайбализм?

«Племя» учрежденное. Общество бретонской культуры существует с конца XIX в. С 1898 г., когда был создан Регионалистский Бретонский Союз, до наших дней множится количество ассоциаций, федераций ассоциаций, различного рода групп и мини-партий. В каждом поколении путь новобранца индивидуален и предполагает определенные этапы, к которым сегодня, в частности, относится посещение курсов бретонского языка, служащее не только обучению, но и сплочению Общества. Организуются различные собрания, союзы, праздники, фестивали, уличные манифестации, способствующие растворению индивида в группе.

Начиная с 1980-х годов. общество получило тройное признание. Во-первых, признание широкой публики: настроенная поначалу скептически, она убедилась в эффективности усилий, предпринятых как на музыкальном поприще, так и в организации преподавания языка, в чем особенно преуспела ассоциация *«Diwan»*⁵⁶. Во-вторых, признание со стороны СМИ, особенно региональных ежедневных газет, которые, вероятно, чтобы доставить удовольствие своим читателям, стали отводить на своих страницах больше места вопросам культурного возрождения. Наконец, выборные органы вскоре стали оказывать культурным ассоциациям существенную и увеличивающуюся финансовую поддержку.

Благодаря, отчасти, этому тройному признанию, бретонское культурное общество кристаллизовалось. С одной стороны, оно все больше институализируется, в ассоциациях становится все больше и больше постоянных сотрудников: бретонский язык и культура стали специализациями, способными заполнить профессиональные вакансии. С другой стороны, оно развивается: бретонские фестивали собирают толпы народа, записи бретонской музыки продаются и привлекают внимание

⁵⁶ «Diwan» – «Источник» – ассоциация, созданная для организации школьного обучения на бретонском языке. Начав с нуля в 1977 г., в 2001 г. ассоциация обеспечивала обучение 6500 учеников и была включена в Национальную систему образования (соответствующий Протокол подписан 28 мая 2001 г. – прим. перев.).

солидных американских компаний. Наконец, при помощи Интернета создана весьма насыщенная информационная сеть. Зададимся, однако, вопросом: какие связи это виртуальное общество поддерживает со средой, из которой оно вышло?

«Племя» оторванное. В целом это общество сегодня воспроизводит культуру hors sol, т. е. оторванную от «почвы»: его языковые, музыкальные или танцевальные практики абсолютно не связаны с территорией происхождения. Так, сегодня «Праздник ночи» празднуют в Верхней Бретани, а в Нижней танцуют верхне-бретонские танцы; ваннские хороводы можно увидеть в Корнуае, а гавоты, родившиеся в горах, играют на побережье. Что же до бретонского языка, то он звучит теперь не только в некоторых кафе в Ренне или Нанте: кабинеты бретонского языка открываются уже и в восточной части полуострова, т. е. там, где в прошлом никогда не говорили по-бретонски.

Бретонская культура отрывается, таким образом, не только от места своего происхождения, но и от социальной среды, которая поддерживала ее до настоящего времени. Новые носители бретонского языка – обычно горожане, а не сельские жители, к тому же это не крестьяне, не рыбаки, не ремесленники или рабочие, но в большинстве своем служащие и специалисты с высшим или средним образованием.

Сельское хозяйство hors sol⁵⁷ позволяет – иногда – производить продукцию, не запачкав рук, и приблизить свой образ жизни к социальной «норме», что делает его менее сложным. Аналогичным образом бретонская культура, оторванная от почвы, существует без проблем. Она распространена среди молодежи, она проявляется в публичных местах и даже требует для себя более заметного места в обществе и в СМИ. Ничего

⁵⁷ Имеется в виду распространенный сегодня в Бретани способ разведения скота, когда животные содержатся в специальных помещениях с металлическими решетками вместо пола, что облегчает процедуру уборки (см. «La Bretagne outragée» // Le Monde, 2002, 11 Septembre) (прим. перев.).

общего с локальной культурой, которая скрыто существует в сфере частной жизни. Это, очевидно, заслуга «отрыва от почвы», что, в свою очередь, тоже связано с определенными ограничениями.

«Племя» ограниченное. Прежде всего, отрыв от почвы иногда плохо воспринимается окружающим обществом. Когда молодежь, во время «Праздника ночи», танцует в более быстром ритме, чем остальные собравшиеся, она рискует тем самым разрушить атмосферу праздника. Точно так же, когда новые носители бретонского языка объясняются на каком-то интернациональном жаргоне, скопированном с французского, не соблюдая традиционных правил синтаксиса и фонетики, они могут вызвать раздражение слушателей. Но главное в том, что бретонская культура – типичная культура меньшинства; она не институализована и не имеет широкого распространения. Следовательно, у нее нет других источников поддержания жизни, кроме среды, из которой она происходит, и разрыв с которой может стать фатальным. Например, как может человек преподавать бретонский язык или правильно переводить с него, если он предварительно не впитал язык настоящих его носителей, тех, для кого этот язык родной? Точно так же, как избежать повторений и действительно обновить бретонское музыкальное наследие без того, чтобы сначала изучить все тонкости традиционной музыки? Наконец, развитие культуры в отрыве от почвы, хотя оно, безусловно, играет авангардистскую роль, не исчерпывает всего происходящего сегодня в народном движении. Это подтверждает большое число участников культурных манифестаций, а также массовый интерес к бретонскому языку и культуре, который выявляется в ходе опросов. Например, в 1997 г. 88% жителей Нижней Бретани утверждали, что нужно сохранять бретонский язык⁵⁸, тогда как в 1990 г. таких было только

⁵⁸ Опрос 2500 чел. проведен институтом ТМО Ouest в марте-апреле 1997 г. по заказу «Le Télégramme» и «France 3 Ouest».

76%⁵⁹. Безусловно, существует своего рода «племя» любителей бретонской культуры, но оно не должно заслонять собой все общество и все его устремления.

Контрастные социальные устремления

Стремление населения стран Запада к личному счастью является сегодня общей тенденцией. Современная Бретань не составляет исключения. Однако в поисках этого счастья она, кажется, раздираема противоречиями. Бретонскому обществу равно близки индивидуализм и холизм, у него двойственное отношение к коллективной автономии.

Индивидуализм и холизм. Стремление к личному счастью проявляется в потребности в персональной автономии. В Бретани, как и везде (хотя и не так скоро), католичество, владевшее умами и нравами, утратило свое общественное влияние. Семьи распадаются и создаются вновь, причем общественное осуждение по этому поводу сегодня уже не слишком ощутимо. Люди без зазрения совести предаются гедонистским удовольствиям общества потребления. Одновременно бретонцы – и французы в целом – все меньше готовы мириться с тем, что государство приписывает им ту или иную идентичность или навязывает запреты. Они хотят, чтобы была признана их особость, поскольку во всех западных обществах индивиды, осознающие многоаспектный характер своей идентичности, хотят сами выбирать, кем им быть и кем казаться. Можно быть выходцем из «чисто» бретонской семьи, говорить на бретонском или на галло – и вовсе не чувствовать себя бретонцем. И напротив, можно иметь лишь самое отдаленное бретонское происхождение, или вовсе его не иметь, и считать себя бретонцем. Можно даже культивировать в себе эту бретонскую идентичность, демонстративно (например, нося соответствующую одежду, украшения или значки с символикой) или более приватно (изучая историю или обучая своих детей языку и пр.). Итак, люди

⁵⁹ Опрос 1000 чел. проведен институтом TMO Ouest в декабре 1990 г. по заказу ассоциации «Ar Skol Vreizoneg».

не хотят мириться с тем, чтобы государство, осознанно или нет, препятствовало этому конструированию идентичности.

Вопреки тому, что только что было сказано, многие бретонцы – и особенно те, кто настаивает на своей бретонской идентичности, – идеализируют мифическое прошлое, когда значение коллективных форм существования было огромным. Их отношение к своим «корням» порождает ностальгию по семейным узам прошлого – в противовес той личной автономии, которой они требуют сегодня для себя. Те же самые бретонцы, кажется, ищут тепла коллективного единения. По крайней мере, об этом позволяют думать как создание «виртуальных племен», о которых речь шла выше, так и народная любовь к традиционным праздникам и многолюдным фестивалям. Все это, впрочем, не столь парадоксально. Независимый и индивидуальный образ жизни вовсе не мешает идеализации семейного прошлого, даже напротив: поскольку речь идет о прошлом, тут нет никакого риска впасть в противоречие. К тому же представление о славном прошлом и достойных предках льстит самолюбию. Наконец, любовь к независимости не запрещает время от времени удовлетворять потребность в единении. Рискну предположить даже, что бретонцы особенно ценят свое общество именно за то, что оно предоставляет им обе эти возможности.

Парадокс заключается, напротив, в противоречии между современным индивидуализмом бретонского движения и глобальностью его экономических, политических и культурных целей, о чем мы уже говорили выше. Именно эта глобальность целей подводит нас к рассмотрению странного отношения бретонцев к идее коллективной автономии.

Двойственность отношения к автономии

Авторитет государства в последние годы ослабевает, и республиканские институты переживают кризис. Школа не в состоянии помешать воспроизводству неравенства. Воинская повинность отменена. Политические партии частично дискредитированы и, так же как профсоюзы, теряют многих своих сторонников и активистов. В этой ситуации

ослабления центральной власти бретонцы демонстрируют явно более выраженную, чем остальные французы, приверженность Европейскому Союзу. Это проявилось в 1992 г. при голосовании за ратификацию Маастрихтских соглашений, зафиксировавших создание ЕС, и это же регулярно подтверждается различными опросами. Одновременно они выражают заинтересованность в усилении местных властных структур, так как обнаружилось, что многие европейские регионы обладают более мощными органами власти, чем французские региональные советы. В некоторых государствах, отмечает М. Китинг, экономическая и политическая мощь регионов такова, что иногда даже «создается впечатление, что они осуществляют собственную внешнюю политику в обход своего национального государства»⁶⁰. Некоторые регионы прекрасно представлены в Брюсселе, где они приобрели мощные сети влияния, престиж и выгодную им известность, а также изучили тонкости европейского механизма, что тоже полезно. Таким образом, одни получили определенные преимущества, а другие регионы, такие, как Бретань, оказались в невыгодном положении. Исходя из сказанного, для бретонцев могла бы быть привлекательной региональная автономия, однако, похоже, они ее боятся.

Бретонцы, с их склонностью к индивидуальной автономии, не в меньшей степени опасаются авторитаризма автономистов, чем диктата Государства. Это один из выводов моих предыдущих работ: автономисты в глазах населения имеют репутацию людей нетерпимых⁶¹. К тому же автономию часто путают с автаркией, что порождает страх оказаться в один прекрасный день «запертыми» на своем полуострове, окруженными колючей проволокой и сторожевыми вышками, и потерять возможность сбывать свою цветную капусту или крабов. Все это, вероятно, объясняет

⁶⁰ Keating, M., *The Politics of Modern Europe*, Second Edition, Cheltenham, UK; Northampton, USA. 1999. P. 473.

⁶¹ См.: *Le Coadic, R., L'Identité bretonne*. P. 341-351.

низкие результаты автономистских и сепаратистских бретонских партий на выборах.

В то же время, недавний опрос показал, что 42% бретонцев ощущают свою принадлежность в первую очередь именно к Бретани, и только затем – к Франции; что больше половины опрошенных хотели бы, чтобы регион обладал большими полномочиями, и что от 19 до 23% высказались даже за независимость⁶². Как объяснить этот парадокс? Похоже, что «бретонский вопрос» относится сегодня в основном к сфере эмоций, и что население не утруждает себя размышлениями над институциональными проблемами.

Удалось ли нам действительно ответить на вопрос о том, что такое региональная культура? К сожалению, с уверенностью сказать этого нельзя. Но мы как минимум констатировали, что выбор терминов, в которых анализируется этот вопрос, имеет существенное значение, что мы имеем дело со сложным случаем, и что современное обновление Бретани содержит множество составляющих. Кроме того, читатель, вероятно, ощутил, что перемены, происходящие сегодня в Бретани, имеют далеко не только местное значение. Они касаются всей Франции и, может быть, всего мира. Они ставят простой и принципиальный вопрос: какой должна быть новая модель, которая позволила бы примирить признание коллективных прав меньшинств с универсальными ценностями демократии?

⁶² В зависимости от того, учитывать ли при подсчете результаты по четырем департаментам, входящим в состав административного региона Бретань (19%), или по пяти департаментам исторической Бретани, включая Атлантическую Луару (23%). В этом департаменте доля сторонников независимости достигает 30%.

